КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСПОЗИТИВ (НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О «ГЛОБУСАХ» ПИТЕРА СЛОТЕРДАЙКА)

С. М. Гавриленко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия
o-s@proc.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-011-00281-а «Историческая эпистемология:
теоретические основания и исследовательские перспективы»

Отталкиваясь от предположения, что второй том «Сфер» Питера Слотердайка содержит концепцию того, что можно было назвать картографическим диспозитивом, автор предпринимает попытку реконструировать отдельные положения этой концепции и соотнести их с рядом идей, высказанных в современных специализированных исследованиях по истории картографии. Одно из главных положений, которое Слотердаик разделяет с большинством исследований карт и картографии, заключается в том, что карты слишком сложны, чтобы быть «всего лишь» простым выражением пространственных фактов. Вписывая рассуждения о картографии в контекст своей исторической теории наземной глобализации, Слотердаик показывает, что картографы выступали среди главных ее агентов, а карты и глобусы Земли стали одними из основных ее репрезентационных механизмов и практических инструментов. В статье рассматривается, что именно было высказано Слотердайком о картографии и картографических представлениях – картах и глобусах, этих мощнейших средств визуализации и эпистемологического накопления, но и политико-экономического контроля и переупорядочивания пространства.

Ключевые слова: глобус, карта, картография, картографический диспозитив, визуализация, Слотердаик.

THE CARTOGRAPHIC DISPOSITIF: FEW REMARKS ON “GLOBES” OF PETER SLOTERDIJK

Stanislav M. Gavrilenko

Lomonosov Moscow State University, Russia
o-s@proc.ru

The author starts from the premise that the second volume of Peter Sloterdijk's *Spheres* contains the conception of what could be called cartographic dispositif and tries to reconstruct separate provisions of this conception and relate them with some ideas made by contemporary specialized studies on the history of cartography. One of the main points, which Sloterdijk shares with these studies on maps and cartography, is that maps are too complex to be simple expression of spatial facts. Inscribing arguments about cartography in context of own theory of terrestrial globalization, Sloterdijk shows that cartographers were among its main actors and maps and globes of Earth were among its basic representational mechanisms and practical tools. The article provides description of what exactly was said by Sloterdijk about cartography and cartographic representations, extremely powerful tools of visualization and epistemic accumulation, but at the same time of political and economical control and of re-ordering of space.

The main conclusion of the article is that Sloterdijk's conception of cartography is in a unique position to support the sense of dizzying and intriguing complexity of cartographic representation and its historical types and forms (their very diversity is good enough reason for dizziness). This sense stands against deceptive obviousness (“we all know what a map is”), generated by equally deceptive “democratization of maps”, their pervasive presence and everyday uses. And if, as Matthey Edney says, “a map is representation of space complexity”, the very map is complex, being a strange hybrid of intelligible and empirical, theoretical and obvious, imaginary and real, what is seen and what is read, scientific and political, actual and virtual, representation and performative. But maybe this principal complexity of cartographic representation makes it a worthwhile object of research and fascination.

Keywords: globe, map, cartography, cartographic dispositif, visualization, Sloterdijk.

DOI 10.23951/2312-7899-2020-2-131-150

Наш взгляд на объект «глобус» всегда определяется актуальными географическими, геополитическими, геоэкономическими и климатологическими интересами. Для больших шаров, которые не являются Землей или не изображают ее, уже невозможно найти релевантной роли в нашем в современном идейном и знаковом хозяйстве.

П. Слотердайк. *Сферы: Макросферология.*

Т. П. Глобусы¹

Карта устанавливает новое пространство видимости путем дистанцирования от объекта и замещения его репрезентирующим образом... карты стремятся представить тотальность, создать новый горизонт видимости и мышления через графический и интеллектуальный синтез фрагментарных данных.

К. Жакоб. *Суверенная карта*²

Пространство так и начинается, со слов, знаков, прочерченных на белой странице. Описать пространство: его назвать, вычертить, подобно тем изготовителям портуланов, что исписывали побережья названиями портов, названиями мысов, названиями гаваней до тех пор, пока земля не оказывалась в итоге отделенной от моря лишь непрерывной текстовой каймой.

Ж. Перек. *Просто пространства. Дневник пользователя*³

«Сферы» – это, безусловно, Opus Magnum Питера Слотердайка, жанр которого едва ли поддается однозначной спецификации, а круг тем и исследовательских сюжетов – очерчиванию. Сложнейшая ткань логических аргументов, философских спекуляций, феноменологических описаний, исторических реконструкций и экскурсов, герменевтических и психоаналитических упражнений; исследовательская игра с разными масштабами и средствами выражения; неконвенциональные исследовательские объекты и концептуальные решетки, трансгрессивные и трансверсальные по отношению к институализированным дисциплинарным членениям и нормативным границам дискурсивных режимов. Суммарно это три тома («Пузыри», «Глобусы» и «Пена»), более 3.000 страниц и богатейшей визуальный материал, который как бы постоянно оспаривает репрезентационное пространство книги у текста, но при этом заключает с ним не лишённые двусмысленностей визуально-дискурсивные альянсы, в рамках которых операции по построению текста

¹ [Слотердайк 2007, 66].

² [Якоб 2005, 2, 7].

³ [Перек 2012, 19].

получают дополнительное обоснование, подкрепление, эмпирическую верификацию и даже алиби со стороны различного рода наглядностей⁴. Возможно, нам еще только предстоит выработать язык для оценки интеллектуальных («мультимедийных») проектов подобного размаха⁵.

Предметом нашего непосредственного интереса станет не развиваемая Слотердайком в «Сферах» концепция защитных оболочек и антропологического иммунитета, а гораздо более локальный сюжет – картографическое представление. Стюарт Элден и Эдуардо Мендьета характеризуют получивший название «Глобусы» второй том «Сфер» как «археологию пространственных образов» [Elden, Mendieta 2009, 6], а в созданной Слотердайком визуальной энциклопедии пространственных репрезентаций картам и глобусам как реальным модельным объектам отведено важное место. У Слотердайка нет систематической теории картографии, но мы позволим себе сделать осторожное предположение, что в заключительной главе «Глобусов» «Последний шар: к философской истории наземной глобализации» – где вычерчивающие пространственный порядок Земли картографы выступают среди главных агентов наземной глобализации, а карты и глобусы Земли – одними из основных ее репрезентационных механизмов и практических инструментов – содержится набросок концепции того, что, идя на определенный терминологический риск, можно было бы назвать *картографическим диспозитивом*⁶. Говорить о картографическом

⁴ Тщательно выстроенные в каждом томе «Сфер» визуальные серии и само почти паритетное соседство визуального и дискурсивного в этой мегакниге служат демонстрацией одного из ключевых тезисов, отстаиваемых Слотердайком: мышлению (будь то философское, научное или повседневное) для своего разворачивания необходимы определенные визуальные посредники. Значительная часть второго тома «Сфер» [Слотердайк 2007] – это показ того, что глобус как изобразительная фигура тотального является универсальным визуальным медиатором спекулятивно-философского и научного мышления. Во втором томе слотердайковской философской эпопеи глобус, глобулярная форма – это и организующий принцип исследовательского письма, и его постоянная тема, разрабатываемая на самых разных предметных уровнях: «... глобус приходил мне в голову с таким постоянством отнюдь не потому, что я упорно хотел найти архетип, а потому, что он столь мощно был представлен в истории идей. Он был *idée fixe* метафизики, без сомнения, потому, что представлял собой идеальное решение проблемы, когда предпринималась попытка с помощью какой-либо геометрической схемы зримо представить концентрически сформированную тотальность» [Слотердайк, Хайнрикс 2015, 367].

⁵ Тем не менее см., например, общее обсуждение Слотердайком проекта «Сфер» с Гансом-Юргеном Хайнриком [Слотердайк, Хайнрикс 2015, 201–396], а также [Сивков 2014] и [Elden, Mendieta 2009].

⁶ «Диспозитив» – элемент концептуального словаря Мишеля Фуко. В русскоязычных переводах его работ данное французское слово, как правило, остается без перевода. Фуко не является изобретателем термина «диспозитив», несмотря на то что он нередко фигурирует в списках его концептуальных инноваций наряду с «дискурсом», «архивом», «эпистемой», «дисциплиной», «биополитикой», «властью/знанием», «правительностью», «техниками себя», «онтоло-

диспозитиве – это значит размещать картографическое представление (будь то в форме карты или глобуса) в сети подвижных исторических отношений, которые определяют способы его производства, маршруты циркуляции, многочисленные и несводимые к друг другу способы его использования; это значит рассматривать карты как сложно организованные «устройства», набор функций и производимых эффектов которых не является ни исторически универсальным, ни исторически стабильным⁷; наконец, это означает отказ от понимания карты как чистого и нейтрального представления пространственных (географических) фактов: карта никогда не сводилась к абстрактному геометрическому графизму, призванному своими точками, линиями и фигурами отображать (в двойном, математическом и (квази)оптическом, смысле) земную поверхность и ее отдельные участки. «Диспозитив» (и это фукианское наследие) – обозначение отказа от редукции сложности исследовательского объекта⁸. Ниже мы попытаемся выделить основные положения слотердайковской концепции картографии и картографического представления и соотнести их с некоторыми идеями современных исследований картографии.

* * *

По тонкому наблюдению Светланы Альперс, единственные мужские персонажи, которых Вермеер удостоил особых полотен, – это «Астроном» (1668) и «Географ» (1668–1669) – «профессиональные создатели карт, поделившие между собой небо и землю» [Альперс

гией настоящего». Во французском языке слово «dispositif» может означать «приспособление», «устройство», «прибор», «аппарат», но также и «порядок», «строй», «расположение» и даже «группировка войск» и «походный, боевой порядок». Фуко вынужден был давать многочисленные пояснения относительно данного термина, одновременно опираясь на его «словарную» семантику и переопределяя ее. «Что я пытаюсь ухватить под этим термином, так это некий ансамбль – радикально гетерогенный, – включающий в себя дискурсы, институции, архитектурные планировки, регламентирующие положения, законы, административные меры, научные высказывания, но также моральные и филантропические. ... Собственно диспозитив – это сеть, которая может быть установлена между этими элементами» [Фуко 1996, 368]. «Вот это и есть диспозитив: стратегии силовых отношений, которые и поддерживают различные типы знания и поддерживаются ими» [Фуко 1996, 369].

⁷ Денис Вуд не боится использовать в своем определении карт – этих поливалентных инструментов организации и извлечения знания, политического господства и административного управления – метафору машины: «карты – это машины, преобразующие социальную энергию в социальное пространство, социальный порядок и знание» [Wood 2010, 6].

⁸ Одним из принципиальных тезисов, который отстаивается большинством современных исследований карт и картографии и который полностью принимается Слотердайком, заключается в том, что карты слишком сложны, чтобы быть «всего лишь» простым выражением пространственных фактов. См., например, подробное обсуждение этого вопроса в [Edney 2019, 51–64].

2018, 174]. Для Слотердайка картографический подъем⁹, начавшийся на рубеже XV–XVI вв. и ставший результатом схождения относительно независимых серий событий (развитие книгопечатания, становление принципиально новых политических и экономических аппаратов, запустивших европейскую глобальную экспансию, интеллектуальный и религиозный кризис), является одновременно симптомом краха метафизического проекта древних греков и всей поддерживающей и выражающей его концептуальной и медиальной структуры¹⁰, и поэтому картография становится по преимуществу делом земным. Несовершенство, неправильность, запутанная сложность земных пространственностей оказываются первичным фактом земной картографии, обосновывающим саму ее необходимость и не подлежащим отмене геометрически правильными формами (сфера, планисферы, прямоугольники, эллипсы), ограничивающими сами картографические пространства. Карта – это показатель того, что представление пространственной сложности не может быть достигнуто исключительно средствами идеального математического (геометрического) конструирования, несмотря на то, что в истории картографии роль математических инфраструктур в производстве картографического представления неуклонно росла: общие формы континентов, причудливо меняющиеся направления речных русел и горных хребтов, пространственные очертания береговых линий, взаимное расположение остров в архипелагах и локализация людских поселений, пространственные распределения водных масс и суши, климатических зон, месторождений полезных ископаемых, растительного и животного разнообразия – все это не может быть математически дедуцировано, а только обнаружено, открыто, исследовано, промерено, так как не является априори известным¹¹. Картография как попытка упорядочить «несовершенные» земные пространства требует эмпирических исследовательских усилий со всеми их рисками, неоднозначностями

⁹ См., рассмотрение так называемой «картографической революции» у Дэвида Тернбула [Turnbull 2003, 103–107].

¹⁰ Ср.: «Под знаком геометрически совершенной круглой формы, которую мы до сих пор вслед за греками называем сферой, но еще чаще вслед за римлянами – глобусом, разворачивается и завершается роман западного разума с мировым целым» [Слотердаик 2007, 41].

¹¹ Ср.: «Ведь несовершенное – поскольку оно не может быть геометрически сконструировано – делает необходимым эмпирическое исследование... Если круглые совершенства могут проектироваться без какой бы то ни было оглядки на опыт, то факты и несовершенства должны обнаруживаться индуктивно. Поэтому ураническая, или космическая, глобализация в основном была делом философов и геометрии; наземная же глобализация становится предприятием картографов и мореплавателей, а позднее – заботой климатологов, политэкономистов, экологов и прочих экспертов по всему неровному и запутанному» [Слотердаик 2007, 807–808].

и неопределенностями¹². Несколькими широкими энергичными штрихами Слотердаик показывает всю сложность предприятия по картографированию Земли и ее территорий и всю сложность самого картографического представления:

«С этого времени (указанный нами рубеж XV–XVI вв. – С. Г.) берет начало более чем пятисотлетнее славное существование земного глобуса, этого типографского чудо-произведения, которое представляет людям Нового времени больше информации, чем любая картина. Монополия глобуса на все, что касается общего вида земной поверхности, которую он делил с большими картами, была нарушена лишь в последней четверти XX столетия фотографиями, сделанными со спутников. Земной глобус становится основным средством новой гомогенизирующей локализации и превращается в необходимый инструмент созерцания мира в руках тех, кто в Старом Свете и на зависимых от него территориях обладает властью и знаниями; но, кроме всего этого, благодаря тому, что на нем постоянно появляются новые изображения, он еще свидетельствует и о перманентной агрессии открытий, завоеваний, находок и наименований, с помощью которых наступающие европейцы как на море, так и на суше обосновываются в универсальном внешнем» [Слотердаик 2007, 826]¹³.

Что данный фрагмент, который мы сделаем опорным, говорит нам о картографическом представлении? Попробуем в плотной структуре слотердайковского письма выделить несколько опорных узлов. Прежде всего, глобус – «это типографское чудо-произведение»,

¹² Но картография не может быть сведена к работе эмпирических техник – ни сейчас, ни в эпоху Ренессанса и Нового времени. По замечанию Дениса Костроува (которое мы можем распространить и на другие эпохи), география XVI века «была гибридом текстуального авторитета и эмпирического наблюдения, открывавшим обширное пространство для воображения и изобретения в представлении земной поверхности» [Cosgrove 2001, 133]. Принципиальная сложность картографических объектов заключается в том, что они постоянно становятся местом гибридизации, зачастую конфликтной, различных репрезентационных механизмов.

¹³ Неизменной особенностью интеллектуального и исследовательского стиля Слотердайка при всех кажущихся эксцессах теоретического воображения остается пристальное внимание и чуткость к эмпирическим деталям. Приведенная в основном тексте цитата сопровождается следующим уточняющим примечанием: «...успех трехмерного глобуса был также релятивизирован повсеместно распространившимися в XVI веке планиметрическими изображениями (речь идет о так называемых «планисферах» – буквально «плоских шарах» – С. Г.), преимущество которых состояло в том, что их можно было воспроизводить в книгах-атласах» [Слотердаик 2007, 826]. (Глобусы и атласы выступали двумя принципиально отличными способами визуальной тотализации.) См., например, обсуждение Слотердайком возможной датировки Атланта Фарнезе, на плечах которого располагается первый дошедший до нас глобус небесной сферы (остальные глобусы небесной сферы, включая легендарный глобус Архимеда, известны нам только по письменным источникам), а также его сложной визуальной программы в [Слотердаик 2007, 53–66].

преобразующее, представляющее, проекционно трансформирующее большее в меньшее¹⁴. Но в чем, собственно, заключается это чудо? Прямого ответа на этот вопрос Слотердайк не дает, но на него намекает указанная им монополия (отвоеванная у средневековых *mapamundi* и Т-О карт) глобуса и «больших карт» (то есть плоскостных карт мира) на представление «общего вида земной поверхности». Будучи воплощениями эмпирически невозможной точки зрения, то есть сложным гибридом теоретического конструирования и наглядности, глобусы и плоскостные карты мира – это те репрезентационные поверхности или те места, где «собираются другие, удаленные в пространстве и времени места и оказываются синоптически представлены взгляду» [Латур 2017, 112], это претендующие на производство эффекта тотализации представления, которое сводят многое (в пределе – всё) перед одним взором¹⁵. Земной глобус и карта мира – это формы универсального визуального синопсиса, но при этом и «визуальной нормализации» мира. Чудо подобных картографических представлений – это чудо эмпирического объекта (вот этот глобус, вот эта карта), моделирующего и поддерживающего эмпирически нереализуемые оптики и спо-

¹⁴ О технических и интеллектуальных процедурах конструирования глобусов как трехмерных объектных моделей Земли (включая космографические глобусы Петра Апиана и Геммы Фризия), а также их использовании см. статью Элли Деккер [Dekker 2007], которая также содержит каталог небесных и земных глобусов, созданных в Европе в период с 1300 по 1600 гг. Слотердайк напомним нам, что примерно с 1500 года (время начала распространения именно земных глобусов) и вплоть до 1830-х годов глобус небесной сферы и глобус Земли изготавливались и устанавливались вместе в качестве своеобразных «сфер-двойников», выполнявших функцию по репрезентативной консолидации новых эпистемологических, политических и экономических режимов (именно подобная конфигурация представлена на картине «Послы» Ганса Гольбейна Младшего): «Лишь вместе два этих шара выполняли свою космографическую миссию, и лишь вместе они, установленные на крышах монарших дворцов, в холлах и читальных залах крупнейших европейских библиотек от Мадрида до Москвы, символизировали универсум знания и знание универсума. Где бы ни находились шары-близнецы, они везде совместно указывали представителям образованных сословий на привилегированную обязанность сильных мира сего смотреть во все стороны» [Слотердайк 2007, 67]. Попытку рассмотреть на примере одной из коллекций карт, собранных для сына своего патрона Гехардом Меркатором, что на практике могло означать обучение подобному картографическому виденью, см. в статье Ли Вандель [Wandel 2019].

¹⁵ Брайан Харли будет писать о картографах, создающих «пространственный паноптикум» [Harley 2001, 166]. Однако нетривиальным является вопрос: как и где практически собирается подобный синоптический и тотализирующий взгляд. Значительная часть современных исследований по истории картографии посвящены тем формам «коллективного эмпиризма», которые обеспечивали подобную сборку или терпели крах (см., например, [Harris 1998] и [Turnbull 2003, 107–126]). Но есть и еще один вопрос: как карта (как и любая форма визуальной репрезентации) организует своей собственной визуальной архитектурой и сложностью работу воспринимающего взгляда – вплоть до поддержания различных форм «визуального номадизма». См. в этой связи проведенный Кристианом Жакобом анализ функции ветродуев, океанических «монстров» и картушей на ренессансных и нововременных картах [Jacob 2006, 109–118].

собы виденья¹⁶, которым тем не менее предоставлены гарантии эмпирической референциальной адекватности (Земля такова – смотри!)¹⁷. Мы здесь имеем работу какого-то сложного оптического механизма, осциллирующего между эмпирическим порядком и порядком интеллигибельным, но при этом наглядно представленным. Картография как бы вычерчивает принципиально новое, замещающее эмпирические объекты поле видимости, которое становится новым пространством наблюдения, но и новым пространством контроля – «карта позволяет увидеть нечто без нее незримое» [Альперс 2018, 177]. В 1662 г. Джоан Блау, представляя Людовику XIV свой новый атлас мира в 12 томах «La Grande Atlas», сопроводил его введением: «Карты позволяют нам, оставаясь дома, размышлять о вещах отдаленных и созерцать их воочию»¹⁸. Синоптический взгляд, взгляд тех, «кто обладает властью и знанием», и обращенный уже не в Небеса, а на Землю, и тотализирующие репрезентации¹⁹ превратятся в одни из главных интеллектуальных

¹⁶ Они нереализуемы или по причине технических ограничений, характерных для той или иной исторической эпохи, например, вид сверху (как замечает неизменно внимательный Слотердаjk, «литературные и картографические манифестации с самого начала немного опережали технические» [Слотердаjk 2007, 820]; ср. со схожим наблюдением у Мишеля Серто [Серто 2013, 186–187]), или же являются нереализуемыми эмпирически принципиально, например, виденье «всей» земли, «обеспечиваемое» плоскостной разверткой ее поверхности на карте. Несмотря на то, что глобусы лишены тех проекционных искажений (если абстрагироваться от несовершенной геометрической формы земного геоида), которые характерны для любой плоскостной карты, последние по сугубо практическим причинам гораздо лучше поддерживают механику синоптического взгляды и его иллюзии. Но глобус все же своей собственной механикой обеспечивает доступ к любой точке своей поверхности.

¹⁷ Ср. с замечанием Светланы Альперс: «Но при всем различии требований [предъявляемых картам] нельзя забывать об ауре знания, которой карты обладали сами по себе, независимо от характера и степени их точности. Эта аура придавала престиж и власть карте как типу изображения» [Альперс 2018, 177]. Согласно Дэнису Вуду, в карту вписана онтологическая презумпция существования: «Это то, что делают карты, – утверждают существование изображенных на них вещей. Это здесь, а это – там... как таковые карты – это аргументы существования» [Wood 2010, 34].

¹⁸ Цит. по: [Альперс 2018, 192].

¹⁹ Производимые картографическим представлением эффекты визуальной тотализации и нормализации были предметом постоянных критических выпадов со стороны Мишеля Серто – этого своеобразного контркартографа. В своей антропологии повседневности он будет отчаянно пытаться найти способы говорить об инаковости (и конститутивной для нее «другой пространственности»), «ускользающей от воображаемой тотализации взгляда, которая не имеет поверхности или же ее поверхность является только выдвинутым краем, выступающим на фоне видимого. Внутри этого целого я намереваюсь выявить практики, чуждые «геометрическому» или «географическому» пространству визуальных, панооптических и теоретических конструкций» [Серто 2013, 188]. Не лежит ли в основании антропологии повседневности Серто вопрос о том, возможна ли картография невидимого (или того, чему не придана наглядная форма) или картография, разрывающая с режимом визуальности как таковым? Как она может быть не только помыслена, но и практически реализована? Если мы допускаем подобную возможность, то Серто оказывается гораздо более радикальным контркартографом, чем те, кто сейчас выступает под эти именем и использует «контркартографию» для интеллектуальной и политической мобилизации. Едва ли не все контркартографические проекты остаются скопическими и визуальными. (См, например, недавно

и политических фантазмов (но и инструментов) наземной глобализации.

Но глобус и плоскостная карта мира – это не только «чудо-произведения», во все больших количествах выходящие начиная с XVI в. из европейских типографий. Это еще и набор абстрактных схем (математическая сетка координатных линий, проективные трансформации, масштабирование и т. д.), которые они воплощают и которые служат средствами «гомогенизирующей локализации», создавая качественно нейтральное пространство, отменяющее местные метрики, масштабы и направления, но предоставляющее себя для картографического размещения «земных несовершенств»²⁰. По Слотердайку, именно это нейтральное пространство (постулируемое или конструктивно реализованное) делает картографическое представление инструментом беспрецедентной эпистемологической эскалации («перманентная агрессия открытий, завоеваний²¹, находок и наименований») и одним из главных «мест» эпистемологического накопления (визуальная каталогизация и архивации мира²²), которые связаны отношением круговой причинности с европейской политико-экономической экспансией, которую Слотердайк и характеризует как наземную глобализацию.

Говоря о концепции картографического диспозитива у Слотердайка, мы должны принять во внимание не только то, что он говорит, но и то, что он показывает. Значительная часть изображений во втором томе «Сфер» – это изображения картографических объектов и картографии как практики, например: разрезанный на сегменты глобус «Земное яблоко» Мартина Бехайма (сам глобус

вышедшую и чрезвычайно богато иллюстрированную своеобразную активистскую антологию по контркартографированию «Это не Атлас: глобальная коллекция контркартографий» [Kollektiv Orangatango+, ed. 2018].)

²⁰ Телесным выражением подобной гомогенизирующей нейтральности является ровная нетекстурированная поверхность большинства глобусов и карт. (Ее возможная шероховатость не имеет репрезентативного значения.) Одной из главных линий развития картографии являются попытки математически обеспечить эту нейтральность. Вопрос в том, насколько реальные картографические объекты ей соответствовали. Это предмет специального обсуждения в недавно вышедшей книге Мэтью Эдни, особенно ее 5 главы «Масштаб карты и идеализированная геометрия картографии» [Edney 2019, 166–227].

²¹ См. предпринятый Слотердайком анализ связи картографии с «захватом земли» (*Cusius carta eius regio* – лат. Чья карта, того и область), а также юридически легитимирующую подобный захват теории Карла Шмитта [Слотердайк 2007, 918–928].

²² Ср. у Слотердайка: «Карта является универсальным инструментом гарантии того, что открытие будет сохранено, поскольку оно наносится на глобус и наличествует в качестве защищенной находки» [Слотердайк 2007, 917].

представлен на ил. 1)²³, фрагмент карты мира Мартина Вальдземюллера (1513), один из глобусов Земли Виченцо Коронелли (1688), георамма «Великий глобус» (1851–1862) Джеймса Уайда, созданный Анри Тестеленем гобелен «Людовик XIV вместе с Кольбером и членами Королевской академии наук в картографическом зале Версаля» (1667), фотография встречи Рузвельта с Молотовым в комнате карт Белого дома, гравюра, изображающая держащего глобус Гемму Фризия, планисферы Рудольфа Меркатора (1587). И это далеко не полное описание галереи картографических образов и образов картографии, представленной Слотердайком. При внимательном ее изучении бросается в глаза два аспекта картографии, которым можно найти у Слотердайка и текстуальное подтверждение.

Ил. 1. Глобус «Земное яблоко» Мартина Бехайма (1492).
Немецкий национальный музей города Нюрнберга

²³ «Земное яблоко» немецкого мастера на службе португальской короны Мартина Бехайма (1459–1507) – самый ранний из дошедших до нашего времени глобусов Земли. Он был создан в 1492 году по заказу городского совета Нюрнберга и представлял «докolumбовый мир», то есть мир «без Америки».

Ил. 2. Карта мира Герарда Меркатора 1569 года

Во-первых, в европейской интеллектуальной и политико-экономической истории карта становится, говоря слова Жакоба, одним из «привилегированных мест графических экспериментов» [Jacob 2006, 106]. Прежде всего, конечно, экспериментов по визуальному представлению эмпирических («открытых») или еще остающихся виртуальными территорий (карты Ренессанса и Нового времени содержат многочисленные виртуальные линии, заполняющие лакуны в знании – графические спекуляции, создающие пространства, которые еще не могут репрезентировать). Достаточно вспомнить о многообразии разработанных в картографии проекций, позволяющих производить математически контролируемые преобразования трехмерного объекта в плоскостной двухмерный объект. Одной из интереснейших проекций, разработанной в XVI веке и ставшей чрезвычайно популярным картографическим форматом, является проекция Стаба-Вернера, или кардиоидная проекция. Карты, выполненные в этой проекции, имеют форму сердца²⁴ и обеспечивают схождение меридианных линий в точках южного и северного полюсов, в отличие, например, от равноугольной цилиндрической проекции Герарда Меркатора, где точки северного и южного полюсов

²⁴ Слотердайт приводит одну из таких карт, карту Джованни Чимерлино из «*Cosmographia universalis*» (1566) [Слотердайт 2007, 931].

Земли преобразуются на картографической плоскости в прямые линии (ил. 2). Но это не единственный тип визуального экспериментирования, местом которого становится картографическая поверхность. Насколько изощренными могут быть визуальные игры с картами и на картах, показывает, например, опубликованная примерно в 1590 году в Антверпене легендарная карта Эпиктония Космополита – имя, за которым скрывался неизвестный автор карты, хотя на карте стояло имя французского картографа и математика Оронса Фине (1494–1555), умершего за несколько десятилетий до ее публикации. Она представляла мир в образе шута (ил. 3). Собственное пространство земного шара представлено в этом шедевре эмблематической картографии также в кардиоидной проекции, но эта карта демонстрирует некоторое принципиальное дополнение – набор операций по визуализации концептов²⁵.

Ил. 3. Карта Эпиктония Космополита (1590). Национальная библиотека Франции

²⁵ Анализ этой карты см. в замечательной статье Антона Нестерова [Нестеров 2015, 98–100], посвященной «эмблематическим картам» раннего Нового времени. (Карта Эпиктония Космополита, согласно интерпретации Нестерова, визуализирует шекспировский концепт «мира как театра».) Об эмблематизме карт см. главу «Эмблематический глобус» в книге Костроува [Cosgrove 2001, 139–175], а также статью Мэтью Эдней [Edney 2007].

Картографические объекты – это экспериментальные площадки, на которых отрабатываются различные способы визуализации концептуального. Картография не только эмпирична, но неизбежно концептуальна, и именно это обстоятельство придает картографическому представлению его неустранимую визуальную сложность. Если карты и глобусы, согласно Слотердайку, являются инструментами политико-экономической экспансии Европы, то какой концепт они визуализируют или должны визуализировать? Запущенная Европой наземная глобализация, взятая в своем мыслительном измерении, это концептуализация Земли как по преимуществу экономического пространства: «Каждая точка на поверхности Земли – это потенциальный адрес капитала, который все места в пространстве рассматривает с точки зрения их доступности для вычислений и измерений» [Слотердаик 2007, 834]. Это и есть то пространство, которое подлежит картографированию. Одной из главных функций карт становится очерчивание надежных маршрутов возвращения инвестиций, картографируемое пространство – это прежде всего пространство экономических потоков. Картография – это визуализация концептов политэкономии капитализма. И этнографические сцены, географическое многообразие флоры и фауны, заполняющие континентальные и океанические зоны или формирующие визуальную периферию многих карт Ренессанса и Нового времени в рамках подобной концептуальной схемы – не более чем фигуративное представление потенциальных или уже ставших актуальными экономических ресурсов для бесконечно расширяющейся динамики капитала: «Главный факт Нового времени состоит не в том, что Земля вращается вокруг Солнца, а в том, что деньги циркулируют вокруг Земли» [Слотердаик 2007, 862].

Во-вторых, картографическое представление – это также и место, где визуальное и дискурсивное ведут свои непрекращающиеся игры – всегда сложные и неоднозначные, а порой загадочные. Напряженный союз визуального и дискурсивного в картографическом пространстве, кажется, уже вписан в значение древнегреческой морфемы «графия», «описание», которое может быть представлено и в изобразительной форме, и в форме языковой репрезентации. Дэвид Вудворд показал, что в Средние века слова *mapra* и *mapramundi* могли использоваться и для обозначения текста, и для обозначения карты. В XVI–XVII вв. эта практика еще имела место. Сходным образом слово «хорография» могло означать и письменное описание, и графическое изображение небольшого региона, как правило, в большем масштабе, чем предполагалось «географией» или «кос-

мографией», но при этом в меньшем масштабе, чем в случае с «топографией» [Woodward 2007, 7–8]. Картографическое пространство оказывается одновременно пространством видимым и пространством читаемым: титулы карт, легенды, топонимы, географические и этнографические описания (как на множестве ренессансных и новоевропейских карт), выражения политических деклараций, моральные сентенции, экономические показатели и физические величины – плотная сеть языковых знаков, которая конституирует картографическое пространство как пространство письма, подтверждающего, поясняющего, подкрепляющего, а порой и отвергающего те визуальные классификации, иерархии и асимметрии, которые стремятся утвердить картографическое представление.

Слотердаик достаточно подробно останавливается лишь на одном измерении сложных отношений визуального и дискурсивного – это сопровождавшая наземную глобализацию «политика географических названий», историю которой, по мнению, Слотердайка еще только предстоит написать: «В ней нашли бы свое отражение не только первичные сцены открытия и завоевания, а также борьба между соперничающими фракциями открывателей и завоевателей, но и тот факт, что в истории именования мира дает о себе знать семантический аспект процесса удаления из мира дали, в котором поучаствовали все европейцы. Не многим культурным регионам удалось отстоять свои собственные названия от посягательств открывателей... европейцы смогли захватить большую часть земной поверхности, словно косяк анонимных находок, в сеть своих имен и спроецировать на внешний мир свою лексику... Крещение морей, течений, рек, проливов, мысов, бухт и мелей, островов и архипелагов, побережий, гор, равнин и стран на столетия становится страстью европейских картографов и их союзников – мореплавателей и торговцев. Там, где они появляются, на до сих пор, казалось бы, безмолвный мир, обрушивается дождь новых имен» [Слотердаик 2007, 928]. То, что карта и глобус являются пространствами идеологических манифестаций и утверждения политико-экономических притязаний, артикулирующих себя даже в самых основаниях образующих их (карты и глобус) визуальных и дискурсивных кодов, давно уже стало общим местом в современных исследованиях картографии и ее истории²⁶. Но картографическое представление – это не просто поверхность проекции распределения социальных сил, где визуально и дискурсивно представлены образы

²⁶ См., например, две классические статьи Харли «Карты, знание и власть» и «Деконструируя власть карт» [Harley 2001, 51–82, 149–168].

социальных асимметрий и неравенств (зачастую неузнаваемые и потому наиболее действенные). Картографическое представление конструктивно сразу в двух смыслах: оно строится при помощи невообразимо сложного набора гетерогенных процедур и операций, но оно и само выстраивает те пространства, которые картографирует²⁷. Продвигать «политику географических названий» или проводить на карте делимитацию государственных границ (перформативный производ, становящийся необходимостью) – это два простейших примера подобного выстраивания, которое имеет тем не менее многочисленные реальные следствия²⁸.

К сожалению, у Слотердайка мы не находим ни одного детального описания конкретной карты или земного глобуса, подобного тем, которые он посвящает мозаике из Торре Аннунциата или Атланту Фарнезе. Они могли бы подкрепить выдвигаемые им теоретические положения. Лишь одна карта упоминается непосредственно в тексте – круговая (в формате средневековой *mapamundi*, но при этом визуализирующая птолемеевские географические концепты) карта мира венецианского монаха Фра Мауро (1459). Она имеет целый ряд интересных особенностей, например, необычную пространственную ориентацию на юг²⁹ (средневековые *mapamundi*, как правило, были ориентированы на восток, а портуланы – навигационные карты Средних веков – на север), а также расположение в левом нижнем углу вне собственно картографируемого пространства диаграммы Рая, что тоже не соответствует изобразительным традициям *mapamundi*, на которых Рай всегда находился внутри этого пространства. Более того, она, не лишенная фигуративных элементов,

²⁷ Это одно из основных положений изощренной аналитики карт и картографии Дениса Вуда, которые напрямую связывает картографический подъем, начавшийся на рубеже XV–XVI вв. не столько с ренессансным переоткрытием Птолемея, экспансией географических открытий или прогрессом в математических и изобразительных техниках (прежде всего, проекции и перспективы), сколько с формированием новых политических аппаратов, для которых карта становится одним из основных инструментов рационализации контроля. При этом, согласно Вуду, сама карта является инструментом построения государства современного типа. (Ср.: «...карта была артефактом, сконструировавшим государство, буквально способствовавшим его появлению» [Wood 2010, 32].)

²⁸ Что это может означать практически дает понять, например, следующее описание границы Жоржем Переком: «В мае 1961 года, неподалеку от руин Сбейтлы, в Тунисе, где-то в районе Кассерина, я увидел алжирскую границу: простая изгородь из колючей проволоки. В нескольких сотнях метрах виднелась разрушенная ферма, уже на территории Алжира. "Линия Мориса", которая оставалась еще действующей, проходила, как мне сказали, прямо за ней. Границы – это линии. Миллионы людей погибли из-за того, чтобы были границы. Тысячи людей погибли, потому что не смогли их пересечь: выжить тогда означало просто переправиться через реку, обойти холмик, пройти лесок» [Переком 2012, 110].

²⁹ Марьё Нурминен связывает подобную ориентацию карты Фра Мауро с преобладающими экономическими интересами заказчика карты – сената Венецианской республики [Nurminen 2015, 112].

тем не менее как бы стремится представить чистую пространственность трех континентов птолемеевой географии и прилегающих к ним островов (ил. 4). Слотердайк интересуется единственный аспект этой карты – ее птолемеевская «сущестцентричность»: «В то время этот диск был не только самым масштабным, но и самым детальным изображением Земли; на нем представлена еще средневеково-староевропейская Земля, которая заключена в иммунизирующий круг и на которой жидкая среда играет в буквальном смысле маргинальную роль. На карте Фра Мауро эмпирическое и фантастическое пребывают в состоянии некоего причудливого компромисса, и, несмотря на свою информативность, в соответствии с историческим уровнем искусства она изображает сушу в виде сплошного массива...» [Слотердайк 2007, 851].

Ил. 4. Карта мира Фра Мауро (ок. 1459). Музей Коррера Венеция

* * *

Философский габитус профессионала «идей, охватывающих весь мир» [Слотердаик 2007, 8] заставляет Слотердайка выразить предельный смысл Земного глобуса как формы картографического представления. У Слотердайка это метафизическое (или, скорее, антиметафизическое) и космологическое послание об онтологической автономизации Земли: «Если некогда спекулятивный шар-космос философов сделал зримой высшую форму защищенности, то новое “земное яблоко” (так назвал свой глобус Бехайм) сдержанно, жестко и занимательно сообщила европейцам топологическую весть Нового времени: люди – это живые существа, вынужденные существовать на самом внешнем краю некоего располагающегося в мировом пространстве неровного круглого тела, и это тело как целое не является ни материнском лоном, ни сосудом и не способно предоставлять убежище. Глобус, стянутый металлическим меридианным кругом, стоит на дорогой подставке с палисандровыми ножками, полностью открытый для обозрения и обладает четкой границей, однако он представляет собой лишь изображение тела, у которого отсутствует спасительный край – внешний сферический свод» [Слотердаик 2007, 832–834]. Мы можем по-разному отнестись к выраженному здесь предельному смыслу глобулярной формы, плотно вписанному в общий концептуальный строй слотердаиковской сферологии, но, во всяком случае, он способен наряду с рассуждениями Слотердайка о картографии поддержать ощущение головокружительной, но при этом интригующей сложности картографического представления и его исторически различных типов (многообразие которых само является достаточным поводом для головокружения), ощущение, которое противостоит обманчивой очевидности («мы все знаем, что есть карта»), порождённой не менее обманчивой «демократизацией карт» – их повсеместным присутствием и повседневным использованием. И если, как говорит Мэтью Эдни, «карта – это представление пространственной сложности» [Edney 2019, 41], то сама карта не менее сложна, будучи странным гибридом интеллигибельного и эмпирического, теоретического и наглядного, воображаемого и реального, видимого и читаемого, научного и политического, актуального и виртуального, репрезентативного и перформативного. Но, наверное, именно это делает картографическое представление, стоящим исследовательским объектом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Альперс 2018 – *Альперс С.* Картографический импульс в голландском искусстве // Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры. Москва: Новое издательство, 2018. С. 172–196.
- Латур 2017 – *Латур Б.* Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 95–156.
- Нестеров 2015 – *Нестеров А.* Географические карты раннего Нового времени как эстетизация и концептуализация репрезентированного пространства // Гетеротопии: миры, границы, повествование. Сборник научных статей. Редакторы и составители И. Видугирите, П. Лавриненц, Г. Михайлова. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2015. С. 88–110.
- Перек 2012 – *Перек Ж.* Просто пространства. Дневник пользователя. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2012.
- Серто 2013 – *Серто М.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Сивков 2014 – *Сивков Д.* Иммуитет в камне: архитектурная теория Петера Слотердайка // Социология власти № 2 (2014). С. 39–55.
- Слотердайк 2007 – *Слотердайк П.* Сферы: Макросферология. Т. II. Глобусы. Санкт-Петербург: Наука, 2007.
- Слотердайк, Хайнрикс 2015 – *Слотердайк П., Хайнрикс Г. Ю.* Солнце и смерть: Диалогические исследования. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.
- Фуко 1996 – *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания власти и сексуальности. Москва: Магистериум-Касталь, 1996.
- Cosgrove 2001 – *Cosgrove D.* Apollo's Eye: A Cartographic Genealogy of the Earth in the Western Imagination. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Dekker 2007 – *Dekker E.* Globes in Renaissance Europe // THE HISTORY OF CARTOGRAPHY. Volume 3. Cartography in the European Renaissance. Ed. by D. Woodward. Chicago and London: University of Chicago Press, 2007. P. 135–173.
- Edney 2007 – *Edney M. H.* Mapping Empires, Mapping Bodies: Reflections on the Use and Abuse of Cartography. // Treballs de la Societat Catalana de Geografia, 63, 2007. P. 83–104.
- Edney 2019 – *Edney M. H.* Cartography: The Ideal and its History. Chicago and London: University of Chicago Press, 2019.

- Elden, Mendieta 2009 – *Elden S., Mendieta E.* Being-with as Making Worlds. The Second Coming of Peter Sloterdijk. Environment and Planning D: Society and Space, 2009, volume 27. P. 1–11.
- Harley 2001 – *Harley B.* The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Harris 1998 – *Harris S. J.* Long-Distance Corporations, Big Sciences, and the Geography of Knowledge // Configurations Volume 6, Number 2, Spring 1998. P. 269–303.
- Jacob 2006 – *Jacob C.* The Sovereign Map: The Theoretical Approaches in Cartography through History. Chicago and London: University of Chicago Press, 2006.
- Kollektiv Orangotango+, ed. 2018 – This is not an Atlas: A Global Collection of Counter-Cartographies. Ed. by Kollektiv Orangotango+. Bielefeld: transcript Verlag, 2018.
- Nurminen 2015 – *Nurminen M. T.* The Mapmaker's World: A Cultural History of European World Map. London: The Pool of London Press, 2015.
- Turnbull 2003 – *Turnbull D.* Masons, Tricksters and Cartographers: Comparative Studies in the Sociology of Scientific and Indigenous Knowledge. Routledge, 2003.
- Wandel 2019 – *Wandel L. P.* Maps for a Prince // Science in Context (2019), 32. P. 171–192.
- Wood 2010 – *Wood D.* Rethinking the Power of Map. London and New York: The Guilford Press, 2010.
- Woodward 2007 – *Woodward D.* Cartography and the Renaissance: Continuity and Change // THE HISTORY OF CARTOGRAPHY. Volume 3. Cartography in the European Renaissance. Ed. by D. Woodward. Chicago and London: University of Chicago Press, 2007. P. 3–24.

Ματєριαλ ποστυπυλ в редакцию 21.11.2019